

Sergey O. Goryaev

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Polyonymity in Monasticism

Review of the book: Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic Names in Medieval Russia]. Moscow; St Petersburg: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; Nestor History. 344 p.

Voprosy onomastiki, 2019, Vol. 16, Issue 2, pp. 281–290
DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.027

Language of the article: Russian

Горяев Сергей Олегович

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Полиименность в монашеском аспекте

Рец. на кн.: Успенский Б. А. Иноческие имена на Руси / Б. А. Успенский, Ф. Б. Успенский. — М. ; СПб. : Ин-т славяноведения РАН : Нестор-История, 2017. — 344 с.

Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 281–290
DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.027

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President
of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.027
УДК 811.16*01 + 94(470)“.../1150” + 27-1

С. О. Горяев
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПОЛИИМЕННОСТЬ В МОНАШЕСКОМ АСПЕКТЕ

Рец. на кн.: Успенский Б. А. Иноческие имена на Руси / Б. А. Успенский, Ф. Б. Успенский. — М. ; СПб. : Ин-т славяноведения РАН : Нестор-История, 2017. — 344 с.

В рецензии рассматривается монография, посвященная частному разделу русского антропонимикона — именам монашествующих лиц всех степеней, т. е. рясофора, малой схимы и великой схимы. Как известно, принятие монашеских обетов в православной церкви системно сопровождается сменой имени человека «принимающего образ ангельский», т. е. становящегося монахом. Вопросы о системности перемены имени, обстоятельствах таковой, принципах выбора нового имени являются предметом особого внимания рецензируемого издания. В целом монография отражает многолетнюю и фундаментальную научную работу семьи ученых — Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского (отца и сына) и А. Ф. Литвиной (супруги последнего), — посвященную древнерусской антропонимии, но в данной работе авторы расширяют хронологические рамки вплоть до новейшего времени. При этом границей между древнерусским и поздним состоянием традиций являются второе южнославянское влияние и реформы патриарха Никона, которые во многом сами проходят под влиянием греческой и западнорусской традиций. В качестве положительных сторон рецензируемой работы отмечается историческая широта подхода авторов — от времен Киевской Руси до современности, глубокое погружение в богословскую (литургическую и церковно-юридическую) проблематику, богатство фактического и иллюстративного материала (привлекаются тексты летописей, церковных документов, житий, эпистолярных источников, а также современные документы и личные наблюдения авторов). В то же время в рецензии отмечается, что некоторые выводы авторов монографии в силу скудности исторических источников и фактических данных носят ярко выраженный модус предположительности. Однако это учтено авторами и сказывается

© Горяев С. О., 2019

на общей «тональности» книги — авторы обрисовывают круг решенных и нерешенных проблем и приглашают читателей к активному научному диалогу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: антропоним, Древняя Русь, православие, монашество, рясофор, малая схема, великая схема.

Монография отца и сына Успенских, как следует из названия, посвящена иноческому, т. е. монашеским, именам (эти термины авторы употребляют как полные синонимы, о чем указывают в начале, с. 10). Но тематика и проблематика книги оказывается шире и лежит в общем русле русской христианской двуименности или даже полиименности — традиции, которая в том или ином виде существует до наших дней¹. За определением «на Руси» стоит также географически и хронологически разнообразный материал. Не раз авторы делают экскурсы в греческую традицию монашеского именования, оказавшую решающее влияние на формирование отечественной практики; самый ранний из цитируемых источников относится к 1040 г.², а самый поздний из рассмотренных фактов — к 2016 г. Отметим также широту подхода авторов с конфессиональной точки зрения — предметом наблюдений становится картина русской религиозной жизни в широком понимании: авторы рассматривают в качестве составных ее частей дониконовское православие, послереформенную традицию русской церкви, западнорусскую практику³ и жизнь старообрядческих общин.

Основной пафос книги выражает подзаголовок другой работы одного из соавторов [Успенский, 2017] — «догадки и закономерности». Рецензируемая монография содержит и тончайшие наблюдения над закономерностями, и догадки, смелость которых авторы смягчают, определяя свой труд как «открытый для дополнений и уточнений» (с. 10). Рассмотрим и то и другое.

Первый параграф монографии — «Постановка проблемы» — представляет собой канонически-правовой и историко-лiturгический очерк о разновидностях монашества. При этом разделы (§ I — 2.3)⁴ повторяют содержание другой работы одного из соавторов [Успенский, 2016] (впрочем, учитывая пропасть, которая, увы, лежит между церковной и светской интеллигенцией, повторение таких «церковных» вещей отнюдь не является лишним). Авторы напоминают о трех степенях монашества — рясофоре, малой схеме и великой схеме, при этом наблюдения

¹ В некоторых старообрядческих общинах.

² Не считая вынесенных в эпиграф стихов из Книги Бытия (XXXII, 27–28) и некоторых замечаний, относящихся к раннему христианству.

³ Напомним, что западные части русского мира то отрывались, то входили в состав России, и это же касалось религиозных и церковно-административных вопросов.

⁴ Монография структурно делится на параграфы, или главы, нумерованные римскими цифрами (при внутренних ссылках авторы используют слово *глава* или знак параграфа), и разделы внутри параграфов, нумерованные арабскими цифрами. В настоящей рецензии мы сохраняем авторскую систему отсылок к соответствующим разделам.

авторов будут интересны не только для филологов, но и для теологов, учитывая проблемность статуса рясофорных монашествующих в богословском и каноническом понимании, не разрешенную до настоящего времени.

Рассматривая проблему изменения имени у монашествующих, авторы в качестве исходной точки берут пострижение в малую схиму, справедливо замечая, что перемена имени при принятии малой схимы «является общей практикой» (с. 23), т. е. закономерностью. Именно принятие так называемой малой схимы непреложно свидетельствует об окончательном отказе от мира и символизирует смерть мирского человека и рождение нового монашествующего. Прежде всего к малой схиме относится замечание авторов о том, что «не случайно иноческий постриг настойчиво ассоциируется с крещением» (с. 9). Со ссылками на требники авторы отмечают обязательный факт провозглашения нового имени постригаемого, кратко описывая некоторые различия в отдельных традициях богослужебной практики. Из этого положения неумолимо вытекает обязательность смены имени при принятии малой схимы, чему уделено внимание в § II (с. 23). Рясофор же, следующий ранее малой схимы, можно с богословской точки зрения рассматривать как предварительное выражение желания уйти из мира, а великую схиму — как «усугубление» уже данных монашеских обетов. Поэтому первая (рясофор) и третья (великая схима) степени монашества могут сопровождаться или не сопровождаться переменной имени; этот вопрос задает основную интригу дальнейшего текста. С ономастологической точки зрения интересно замечание на с. 24 (прим. 4) о том, что дониконовские московские требники содержат списки монашеских имен, предворяющих чин пострижения в малую схиму, а «никоновские» переносят подобные списки в конец издания, «приобретая, таким образом, значение общего именованья, не связанного с чином иноческого пострижения».

Следующий параграф (III) посвящен более туманному вопросу. Авторы рассматривают традицию, сложившуюся в русской церкви, в рамках которой имя меняется при принятии монашеского пострига каждой степени, и начинают с вопроса о перемене имени в рясофоре. Успенские отмечают, что эта практика не является общеупотребительной, она возникает у греков и русских сравнительно поздно. Во второй главе этого раздела авторы приводят в качестве примера имена известных церковных деятелей и исторических фигур, в частности замечают: «То же (перемена имени в рясофоре. — С. Г.), возможно, случилось и с Феофаном Прокоповичем (1681–1736). В 1702 г. он был пострижен в Почаевском монастыре в православные монахи с именем *Самуил*. Затем, в 1705 г., он был пострижен в Киеве (в Братском Богоявленском монастыре) и принял имя *Феофан*. Здесь нет противоречия: вероятно, *Самуил* было его рясофорным именем, а *Феофан* — мантийным» (с. 31). Далее авторы делают вывод об обычае перемены имени в рясофоре: «Естественно предположить, что его распространение прямо или косвенно связано с церковными реформами патриарха Никона и его последователей» (с. 32).

Мы привели большие цитаты из рецензируемого труда, потому что хотим обратить внимание на то, как авторам приходится высказываться в потенциальном модусе. В первой цитате за словом «возможно» следует «вероятно»⁵, а в следующем фрагменте — «естественно предположить». С каждым из этих и дальнейших предположений авторов можно согласиться, они действительно вероятны и естественны, но предположения, основанные на вероятностях, придают этой линии повествования (об изменении имени при рясофоре) характер скорее «догадки», чем «закономерности». Рассмотренный в третьей главе случай Кирилла Белозерского, получившего монашеское имя до пострижения в рясофор, скорее усиливает модус предположительности.

Забегая вперед, отметим, что еще сильнее усиливает этот модус пятый раздел, «Сохранение мирского имени при монашеском постриге», в котором авторы прямо говорят о возможности сохранения крестильного имени в рясофоре (с. 95)⁶. Таким образом, изменение имени в рясофоре может происходить, а может и не происходить.

То же самое касается вопроса о смене имени при пострижении в великую схиму. Авторы отмечают, что это поздний обычай, не существовавший в Древней Руси (с. 40), и приводят в качестве доказательства ряд примеров его формирования уже при патриархе Никоне. Вообще авторы на протяжении всего текста системно возвращаются к вопросу о влиянии на церковную жизнь Московского княжества со стороны Юго-Западной Руси, которая сама попала под воздействие тогдашних греческих, в частности афонских, традиций. Отдельно отметим заключение авторов о том, что при предсмертном постриге мирян сначала в малую и сразу же в великую схиму имя, полученное в малой схиме, не менялось (разд. IV.2), что еще раз подчеркивает каноническую значимость именно малой схимы. Традицию предсмертного принятия мирянами великой схимы авторы ниже объясняют тем, что миряне в этом начинают подражать монахам (с. 210–211).

Возвращаясь к «догадкам и закономерностям», отметим, что самым «догадывательным» является разд. IV.6, «Возвращение к прежнему иноческому имени при оставлении великой схимы». С точки зрения общей логики, как пишут авторы, «снятие с себя схимы закономерно должно обуславливать возвращение

⁵ Следует добавить, что авторы сами описывают другую вероятность: *Самуил* — схимническое имя, а *Феофан* — имя при рукоположении (с. 32, 186).

⁶ Отметим, что автору рецензии известен иеромонах, сохранивший в рясофорном постриге крестильное имя и патронатного святого. Батюшка уверенно объяснил этот факт тем, что он не монастырский, а «приходской» иеромонах — в отличие от католического монашества, организованного в орден и монастыри, в современной русской церкви есть немало иеромонахов и иеродиаконов (людей, давших монашеские обеты, но, кроме них, облеченных в священнический или диаконский сан), живущих вне монастыря и служащих на приходах. По мнению респондента, имена в рясофоре меняют только «монастырским» монахам, а принимающие монашество, но остающиеся «в миру» сохраняют крестильное имя и патронатного святого. Однако другие случаи, подобные своему, батюшка вспомнить не смог.

к прежнему иноческому имени» (с. 59), однако доказать фактически такое положение дел нельзя. Случаи оставления монашеского образа и возвращения в мирское состояние в принципе предусмотрены каноническим правом православной церкви, хотя бы в русской церкви Синодального периода. Но следует отметить, что в общих онтологических рамках церковной жизни это представляется неестественным⁷, а Синодальный период как раз известен вторжением государства в церковно-правовую сферу, подчиняющим последнюю скорее бюрократической, чем религиозной логике. Случаи же оставления великой схимы настолько редки, что не могут быть освоены не только письменным правом, но и обычаем, тем более что они касаются только архиереев, принимающих великую схиму по оставлении своих кафедр. Авторы монографии приводят один современный факт: епископ Серафим (Зализницкий) в 2003 г. принимает великую схиму с именем *Сергий*, но в 2007 г., сняв схиму, возвращается к епископскому сану и, соответственно, к имени *Серафим*, которым называется сейчас в официальных церковных документах. Далее авторы предполагают, что архиепископ Новгородский Моисей, в 1330 г. оставивший кафедру и принявший схиму, а в 1352 г. вернувшийся на кафедру, скорее всего, снял с себя схиму, поскольку схимничество по каноническим правилам несовместимо с архиерейством. Но так как изменения его статуса не сопровождались изменением имени, этот случай не позволяет сделать ономастические выводы. Наконец, авторы предполагают, что оставление схимнического имени *Афанасий* и возврат к епископскому сану, возможно, осуществил митрополит Андроник Сардский в 1261 г.

Со своей стороны укажем противоположный факт⁸: святитель Филофей (Лещинский), митрополит Сибирский и Тобольский, оставил кафедру в 1711 г. и принял великую схиму с именем *Феодор*. Однако по смерти святителя Иоанна Тобольского в 1715 г. святитель Филофей опять назначается на некогда оставленную кафедру указом Петра I и удаляется на покой только в 1719 г. При этом он не вернулся к своему прежнему имени, но подписывал документы как «архиерей схимонах Феодор»⁹, т. е. он не отказывался ни от своего схимнического состояния, ни от схимнического имени. Напомним, что в церковном праве, кроме принципа акривии (строгого следования норме), действует также принцип икономии — отступления от строгой буквы нормы ради ее духа, в частности для практических

⁷ О необратимости монашеских обетов пишет, например, архимандрит (ныне митрополит Псковский и Порховский) Тихон (Шевкунов) в публицистической статье, подкрепленной многочисленными ссылками на канонические источники [см.: https://pravoslavie.ru/77685.html#issledovanie_dop1].

⁸ На который любезно обратили наше внимание протоиерей Петр Мангилев, проректор по научной работе Екатеринбургской духовной семинарии, и священник Иоанн Никулин, доцент той же семинарии. Автор рецензии выражает глубокую благодарность коллегам за ценные замечания.

⁹ См. процитированную подпись в [ДЦГ, 168]. Собственно говоря, весь разд. VII указанного источника [Там же, 165–182] называется «Грамоты архиерея схимонаха Феодора (Филофея Лещинского) во вторичное управление Сибирскою митрополиею».

нужд. Таким образом, в данном конкретном случае сочетание архиерея и схимонаха в одном лице даже нельзя считать неканоничным.

В то же время отметим, что Русская православная церковь прославила сибирского архипастыря в лике святителей не под схимническим, а под монашеским и архиерейским именем *Филофей*. Таким образом, возвращение от схимнического имени, хотя и через более чем два с половиной столетия, все-таки состоялось, что льет воду на мельницу авторов монографии. Однако здесь, возможно, действует другая логика — в лике святителей канонизируются именно архиереи, почитаемые за архипастырскую деятельность, тогда как монашествующие, почитаемые за подвижническую жизнь, канонизируются в лике преподобных. Таким образом, земные труды святого определили имя его церковного почитания¹⁰.

Впрочем, относительно всех вопросов имени в великой схиме авторы подчеркивают, что в силу малого количества доступных фактов «речь может идти не столько о закономерностях, сколько о доминирующих тенденциях» (с. 67). От себя добавим, что «доминирующая тенденция» все-таки имеет бóльшую научную достоверность, чем догадка.

В следующих разделах (VI–IX) авторы рассматривают ряд тем, связанных одной проблематикой — выбора нового имени: как, кем и какое имя выбиралось при постриге. На наш взгляд, особенно интересно наблюдение над тем, как формируются традиционные связи между именами, которые носит один человек: отмечая формирование традиции (конечно, под греческим влиянием) выбора монашеского имени по созвучию с крестильным, авторы указывают, что «постепенно складываются привычные именные пары, когда мирское и монашеское имя начинают более или менее устойчиво ассоциироваться одно с другим» (с. 108). Авторы на примерах показывают, что это дает возможность «обратных» ономастических реконструкций — по монашескому имени определить крестильное, хотя и здесь проводят границу между догадками и закономерностями.

Акт выбора имени, по наблюдению авторов, в основном принадлежит игумену, а мнение постригаемого может не учитываться. Также отмечается получение имени по жребию. И то, и другое в общем соответствует современной практике¹¹.

Отдельные параграфы посвящены двум традициям выбора великосхимнического имени — возвращению к мирскому имени и оставлению рясофорного. Эти параграфы, как и вся работа, интересны прежде всего не указанием

¹⁰ Для сравнения укажем, что одного из святых новейшего времени Русская православная церковь в официальном документе обозначает двумя именами: «преподобный Зиновий (Мажуга), в схиме Серафим, митрополит» [<http://www.patriarchia.ru/db/text/5074360.html>].

¹¹ Первый проректор Екатеринбургской духовной семинарии, отец Филипп, любезно рассказал автору рецензии о своем схимническом постриге, в котором он сменил рясофорное имя на нынешнее. Он сам выбрал три возможных варианта, еще один вариант предложил совершавший постриг правящий митрополит Кирилл. В конце концов, записку именно с последним вариантом отец Филипп и вытянул.

на возможность оставления или перемены имени, а подробным анализом конкретных исторических фактов. Например, авторы несколько раз пишут о Паисии Величковском: на с. 121–122 рассказывают о казусе с его рясофорным именем (постриженный как *Парфений*, он был известен в рясофоре под именем *Платон*), а на с. 129–130 еще раз возвращаются к его случаю, исследуя мотивы оставления схимнического имени при последующем постриге в великую схиму.

Следующий раздел (IX, «Монашеский именовослов») посвящен монашескому антропонимикону как ономастической системе. Авторы отмечают, что монашеские имена всегда отличались от крестильных, и показывают механизмы формирования такого отличия. Среди них частотность имен, причем авторы оговаривают, что о частотности того или иного имени в определенный исторический период судить можно только косвенно, например анализируя популярность образованных от него фамилий. Также это источник имен — Священное Писание, особенно Ветхий Завет, а не святцы.

Отдельный раздел посвящен женским монашеским именам, которые часто представляют собой переоформленные по женскому роду мужские имена святых (отметим, что в современной крестильной практике нетривиальным является крещение женщин с именами *Римма* и *Инна*, поскольку исторически это имена двух святых мужей). Конечно же, авторы отмечают влияние никоновских реформ на монашеский ономастикон, в основном в аспекте их неприятия тогдашним церковным сообществом, в частности приводят ехиднейшие комментарии противников патриарха Никона к монашеским именам *Херувим*, *Серафим*, *Дамаскин* и носителям таковых: «А что, государь, в новых книгах о трех перстах пишет Дамаскин иподиакон: и ему имени греки и наши новолюбцы не ведают. И то, государь, знатно, яко без имени добрыя люди не бывают, — сам, государь, рассуди»¹² (с. 139).

Особое изящество работе придает раздел X, «Иноческие имена в быту», поскольку здесь авторы вступают в практически не изученную область. В разделе рассмотрено возможное сочетание монашеского имени с отчеством как признак знатного происхождения и, наоборот, как попытка уничтожения его носителя. Далее уже на современном материале авторы показывают, как «монахи могут неформально называть друг друга уменьшительными формами, образованными от иноческих имен» (с. 149), и прослеживают это явление на древнерусских примерах. Интересно отметить факт академической дотошности авторов — подстраничный комментарий к имени *Дима* занимает более страницы (с. 149–151). Как и в случае с сочетаемостью, уменьшительное имя может служить для пейоративных целей — хрестоматийным примером является *Гришка Отрепьев*, так

¹² Из челобитной священника Лазаря царю Алексею Михайловичу. Естественно, цитата сопровождается библиографическим указанием.

что за рядом примеров, подробно рассмотренных авторами, проглядывает драматическая история полемических баталий в русской церкви.

Некоторым отступлением от основной темы монографии кажется обращение к индивидуальным прозвищам и литературным псевдонимам иноков, поскольку эти имена, конечно же, получены не в постриге. Но это отступление расширяет исследовательские горизонты и показывает монашествующих в течении живой жизни, частной, церковной и общественной. Кстати, следует выразить благодарность авторам за обильное цитирование источников — летописей, церковных документов, житий, эпистолярных текстов. Все это дополнительно подчеркивает не «инаковость», но знаковость монашеского сословия в истории нашей страны. Завершают раздел наблюдения над инаугурационными именами, в основном над именами, данными монашествующим при разных видах хиротонии, т. е. рукоположения в священный сан иеродиакона, иеромонаха, епископа и даже патриарха (у старообрядцев-поповцев, отколовшихся от белокриницкого согласия, с. 185). По-видимому, именно этот греческий обычай не прижился на Руси и практически отсутствует сейчас. Для симметричности композиции последняя глава раздела посвящена возвращению мирского имени при формальном расстрижении, при полемике в уничижительных целях, но также и в нейтральных случаях.

Особенностью творческого стиля авторов можно считать то, что к основному тексту монографии приложены дополнительные исследования, которые авторы называют экскурсами; например, в монографии [Литвина, Успенский, 2006] 11 экскурсов, по общему объему сопоставимых с основным текстом. В рецензируемой книге экскурсов три. Это «Предсмертный постриг», «Другие ситуации, обуславливающие принятие монашества» (в частности, речь идет о постриге вдов и насильственном постриге) и самый полемичный по характеру экскурс «Историографические мифы: мнимые схимнические имена». Здесь авторы полемизируют с историками, некритично или непрофессионально погружающимися в ономастический материал. Например, по отношению к одному из исторических заключений авторы ехидно замечают: «Серьезных оснований для всех этих догадок не усматривается» (с. 249) (еще раз повторимся: там, где в тексте монографии авторы сами выказывают догадки, для них всегда есть серьезные основания, доказательства и примеры).

В конце обзора осталось добавить, что монография снабжена прекрасным научным аппаратом, в частности списком литературы на 43 страницах и указателем упомянутых имен на 46 страницах (о любви авторов к подробным подстраничным сноскам и цитированию источников мы уже упоминали). Отдельное спасибо хочется сказать за язык и стиль работы — в отличие от современной «многоциферной» системы авторы используют классический метод структурирования текста — параграфы, главы, римские и арабские цифры, даже греческие буквы. Кроме того, авторам удается сохранить не только суховато-научный, но и корректно-уважительный тон в отношении церковных реалий и дел; монография

написана таким языком, как будто в нашей стране не было семидесяти лет официального атеизма. Рассматриваемое исследование будет, несомненно, полезно и интересно целому ряду специалистов — светским и церковным историкам, теологам, историкам языка и собственно ономастологам, но нам бы хотелось отметить еще один важный аспект: монография расширяет представления об антропонимии в принципе, уточняет концепт антропонима как такового, показывает возможные подходы к изучению отношений «человек — имя» и придает им диахроническую перспективу, отнюдь не лишнюю и в современных синхронических штудиях.

Источники

ДЦГ — Древние церковные грамоты Восточносибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань : В унив. тип., 1875.

Исследования

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М. : Индрик, 2006.

Успенский Б. А. Антоний Печерский и начальная история русского монашества (Рясофор в Древней Руси) // *Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies*. 2016. № 5 (1). С. 70–113.

Успенский Ф. Б. Христианская двуименность на Руси в XIV–XVI веках. Догадки и закономерности // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXIX Междунар. науч. конф. (Москва, 13–15 апреля 2017 г.) / отв. ред. Ю. Э. Шустова. М. : Аквилон, 2017. С. 41–44.*

Рукопись поступила в редакцию 23.04.2019

* * *

Горяев Сергей Олегович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 306
E-mail: gorajev@yandex.ru

Goryaev, Sergey Olegovich

PhD, Associate Professor,
Department of Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306
620000 Ekaterinburg, Russia
E-mail: gorajev@yandex.ru

Sergey O. Goryaev

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

POLYONYMITY IN MONASTICISM

Review of the book: Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic Names in Medieval Russia]. Moscow; St Petersburg: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; Nestor History. 344 p.

The reviewed book focuses on a particular category of Russian anthroponymy — the names of monastics of all degrees, that is, rassophore, little schema, and great schema. As is known, the tonsure rite in the Orthodox Church regularly involves a change in the name of a person who “takes on an angelic image,” that is, becomes a monk. Questions relating to the systemic nature of this renaming, the circumstances thereof, and the principles of choosing a new name are the subject of special attention of the reviewed publication. On the whole, the monograph is an outcome of a long-term and fundamental collaborative research on Old Russian anthroponymy performed by B. A. Uspenskij and F. B. Uspenskij (father and son) and A. F. Litvina (the spouse of the latter), but here the chronological framework is extended up to modern times. The line between the Old Russian and the later tradition is usually marked by the second South Slavic influence and the reforms of Patriarch Nikon, which in many respects were also a product of the Greek and Western Russian traditions. Among the main strengths of the reviewed work are a broad historical perspective — from the times of Kievan Rus’ to the present, deep immersion into theological (liturgical and legal ecclesiastical) issues, the abundance of factual and illustrative material (chronicles, church documents, hagiography, epistolary sources) added by contemporary works and personal observations of the authors. At the same time, the review notes that some conclusions are of a purely hypothetical type, due to the scarcity of historical sources and factual data. However, the authors are well aware of it, which affects the overall “tone” of the book as they outline the problems, both solved and unresolved, encouraging the readers to enter the scientific discussion.

Key words: personal name, Old Rus’, Orthodoxy, monasticism, rassophore, little schema, great schema.

- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2006). *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz’ prizmu antroponimiki* [The Choice of Names among the Russian Princes in the 10th–16th Centuries. Dynastic History in the Anthroponymic Perspective]. Moscow: Indrik.
- Uspenskij, B. A. (2016). Antonii Pecherskii i nachal’naia istoriia russkogo monashestva (Riasofor v Drevnei Rusi) [St Anthony of Kiev and the Earliest History of Russian Monasticism (Novitiates in Old Rus’)]. *Slověne = Slovǫne: International Journal of Slavic Studies*, 5(1), 70–113.
- Uspenskij, F. B. (2017). Khristianskaia dvouimennost’ na Rusi v XIV–XVI vekakh. Dogadki i zakonomernosti [Christian Double Names in Russia in the 14th–16th Centuries. Assumptions and Regular Patterns]. In Yu. E. Shustova (Ed.), *Vspomogatel’nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: materialy XXIX Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 13–15 apreliia 2017 g.)* [Peripheral Historical Disciplines in Contemporary Scientific Knowledge: Proceedings of the 29th International Conference] (pp. 41–44). Moscow: Akvilon.

Received 23 April 2019